

Эдуардо Жункейра

Рассказы

Оглавление

Рассказы	1
Тонкая настройка	1
Наследство I	3
Наследство II	8
Я нищий	13
Еще одно Рождество	22
Парамиллодоз	28

Тонкая настройка

Фредерико Гомес

Наследник традиции чистого веризма, Эдуардо Жункейра, своей прозой увлекает нас, то в густой полумрак реализма, то в фантазию и мечту, создаваемые его талантом и искренностью в ткани сюжета. Искренность эта определяется пафосностью прочитанного, дающего нам понимание самих себя, как существ, встретившихся с множественностью проявлений мира и жизни.

Именно поэтому, многие повседневные ситуации, складывающиеся в рассказах, их отдельные сцены, звучат, как хор в греческой трагедии, не предполагая множественного стилистического разнообразия. Напротив, как и у греческих авторов, в рассказах говорится о мире, как о едином хоре, объединяющем разнообразные детали каждого текста во всей совокупности произведения.

Представленные рассказы являются не просто частями книги, но каждый из них определяет ритм и уровень последующего. Развитие сюжетов рассказов от «Еще одно Рождество» до «Я нищий» обусловлено постоянным изменением, которое, однако, не противоречит традиции литературного наследия страны, где живет автор.

Таким образом, речь идет о рассказах, подобранных по законам тонкой гармонии, образовавшейся в ходе всего процесса развития бразильской литературы. Прочитав «Наследство», мы, помимо вымысла, ощущаем сильное влияние не только чистого реализма, но и фантазии, что, без сомнения, является существенной характеристикой прозы Эдуардо Жункейры, чьи сюжеты, кстати, перекликаются с произведениями Кортасара.

Адриано Эспинола прав, утверждая, что Жункейра «склонный к повествовательности», обладает «редкой способностью находить равновесие между вымыслом и реальностью». Нельзя не упомянуть также о той особой форме, с помощью которой он достигает «баланса между вымыслом и реальностью», при необычности такого явления, как память.

Понимание совокупности феноменов, предшествующих самому литературному явлению является прерогативой критики, а не читателей, душой воспринимающих логику и различающих такие моменты, как *thecné* и *poiésis*, чего, без сомнения, никогда не происходило со греческими слушателями и читателями. Как и вся настоящая литература, избранные рассказы Эдуардо Жункейры являются попыткой осознать мир, а читатели получают возможность познакомиться с оригинальным дарованием молодого бразильского прозаика.

Наследство I

«В случае, если усыновитель уже имеет детей, приемных или признанных по закону, интересы последующих усыновленных лиц не учитываются при распределении наследства». (*Бразильский Гражданский Кодекс 1916 года, ст. 377*)

Жизнь – это вовсе не волшебная сказка
(*народная мудрость*).

У покойной остались две родные дочери, одна приемная, старый пудель и богатое наследство – завидное состояние, ставшее итогом ежедневного тяжелого труда. Недвижимость, акции, земельные участки, текущие счета, драгоценности, облигации и серебро – результат скупости.

Как всегда, разговор о разделе наследства умершей, начинался трудно: надо ли распределять наследство, учитывая долю приемной дочери? Учитывать ли пуделя в списке? Собака и приемная сестра – два этих момента, усложняли то, что могло быть очень просто распределено.

Умершая удочерила девочку еще очень маленькой. Той было то ли семь, то ли восемь лет, когда ее забрали из семьи бедняков одной из фавел на сваях. Темная кожа приемной дочери и ее курчавые волосы при сравнении с белоснежной кожей и золотыми волосами дочерей умершей, немедленно выдавали смешанную кровь. Но приемная дочь была стройной и обладала невероятной, неотразимой красотой. Она, как в луче прожектора, выделялась в сумерках худобы и бледности двух дочерей покойной. Со своей стороны, умершая хотела соединить благотворительность и пользу, которую могла принести девочка,

работая по дому, когда, водя острым карандашом, быстро подсчитала, отметив с удовлетворением, что *расходы на содержание ребенка будут компенсироваться экономией на оплате прислуги.*

Для приемной дочери жизнь в этом сумрачном доме была невыносимой. Это усиливалось надменным отношением сестер, которые относились к ней с высокомерием и постоянно допускали унижительные выходки. Не было ничего удивительного в том, что девочка сильно скучала о свободной жизни в родной фавеле и ненавидела комфорт этого странного мира больших просторных апартаментов, напоминавших, когда музей, а когда тюрьму.

Ковры, картины, фарфор и хрусталь – всему этому покойная придавала особое значение, все это подлежало постоянной уборке влажной тряпкой с особыми средствами поддержания чистоты. К вечеру каждого дня девочка почти падала с ног. У нее не бывало ни праздников, ни выходных. Она просыпалась рано, чтобы помочь до блеска начистить серебро и хрусталь, потом выбить ковры, убрать кровати, позаботиться о сводных сестрах, сходить с ними на прогулку в парк или за покупками, а, возвратившись из вечерней школы, помыть посуду, оставшуюся после ужина, или кое-что погладить.

Вскоре после приезда приемной, умершая надумала завести пуделя. Вот удивительно! Как это она, при ее пристрастии к чистоте, решилась завести в доме собаку? Конечно, почти невозможно было устоять перед шармом, милыми ужимками пуделя, веселившими всех. Умершая, даже при ее каменном сердце, была без ума от щенка, тем более, что хотела собаку давно.

Так что с песиком в доме умершей обращались прямо-таки по-королевски. Видя различие между отношением к себе и к собаке, за которой ей тоже приходилось убираться, приемная дочь возненавидела животное. А пудель, инстинктивно почувствовав разницу в отношении

к этому существу, чужому остальным живущим в доме, стал испытывать к приемной дочери такое же обостренное чувство ненависти. Тихая ненависть, которую они испытывали друг к другу, сочилась у обоих сквозь зубы. Они не пренебрегали враждебными выпадами. У приемной дочери зрело желание хорошенько поколотить пса ногами. Тот, в свою очередь, незаметно рычал на нее. Любопытно то, что, будучи обязанными, скрывать эту взаимную ненависть, они демонстрировали всем, что живут в согласии: приемная дочь, сама того не желая, гладила собаку, а та лицемерно виляла ей хвостом.

Все начиналось, когда они оставались наедине.

Они прекрасно понимали взаимные чувства, но, не желая начать открытую вражду, старались держаться друг от друга подальше. Когда приемная дочь приходила в гостиную, пудель бросался в угол и старался тихо укрыться под кроватью умершей, а девушка, заметив собаку на кухне, стремительно бежала прочь, чтобы укрыться в своей маленькой комнате. Ненависть, в сочетании с взаимным уважением, была похожей на ту, что испытывают два заклятых врага.

Хуже всего было то, что пудель страдал от астмы. Каждый приступ приводил в отчаяние. Собака билась в конвульсиях. От удушья из пасти шла пена, глаза закатывались, лапы быстро колотили об пол, приходя в движение от непроизвольных спазмов. При этом умершая впадала в панику и быстро скрывалась за дверью с собакой на руках, пытаясь оказать ей хоть какую-то помощь, а приемная дочь в душе радовалась и желала собаке скорой смерти.

Шло время. Приемная дочь становилась все красивее, а родные дочери умершей, получали образование, росли, толстели от излишеств в еде. Обе они учились в институте, чтобы потом пойти своей длинной дорогой жизни. Обе рано вышли замуж и редко навещали мать. А с умершей оставалась приемная дочь, ни на шаг не отходившая от нее,

так и не получившая даже начального образования, но заботившаяся о ней, как медсестра, а о доме, как экономка. Она не вышла замуж, так как в те времена, о которых идет речь в нашем рассказе, красота без приданого считалась оскорбительной.

Из всех персонажей нашего повествования, время оказало наибольшее влияние именно на пуделя. Пес постарел и ослеп. Во избежание приступов астмы, становившихся все более частыми и продолжительными, на все четыре лапы ему надевали ботиночки из шерсти, а на тело натягивали свитер, специально связанный умершей.

Именно приемная дочь одним пасмурным июльским утром, обнаружила умершую в ванной. Пудель лизал ей лицо. Смерть случилась быстро, без боли, возможно, от остановки сердца, которое просто устало биться, или от того, что женщина поскользнулась на гладком полу ванной комнаты (статистика подтверждает это: падение пожилых людей в ванной почти всегда становится фатальным). В тот же день началась пышная траурная церемония прощания. Приехали скорбящие, толстые дочери, покрытые потом. Приехали и внуки умершей, но не многое было им известно о бабушке. Во время похорон они тихо переговаривались, отойдя в угол часовни, и каждый избегал смотреть на покойную. Приехали и другие родственники, но плакала только приемная дочь.

Раздел наследства начался сразу после того, как тело было придано земле. Так бывает почти во всех семьях. Объясняют это стремлением развеять горе.

Дочери покойной сразу перерыли шкафы и ящики столов, извлекая разнообразные мелочи и твердя, что для них умершая продолжала жить в дневниках, документах, на фотографиях и в вещах. Быть может, было бы лучше бросить все в коробки и быстро освободиться от воспоминаний, связывавших их с событиями

прошлого, которые тогда они вряд ли смогли бы восстановить. Но желание найти затерявшийся драгоценный камень, письмо, записку стало оправданием раскопкам. Они не хотели, чтобы какой-нибудь крупный изумруд достался призракам...

Но не нашлось ничего, кроме бумаг и осколков жизни покойной.

После этого они стали делить наследство, что было для них действительно важно. Недвижимость, акции, земельные участки, текущие счета, драгоценности, облигации и серебро – истинный результат скупости, как уже было отмечено ранее. Дочери умершей лицом к лицу столкнулись с неопределенностью, о которой мы уже знаем: учитывать ли долю приемной при разделе наследства? Включать ли в собаку в список?

Но, наряду с корыстным прагматизмом, оставалось сомнение, серьезное и несправедливое. Все разрешилось быстро после того, как прозвучала коварная фраза:

- Мы все поделим между собой, а собаку отдадим приемной дочке!

Так они и сделали. Они не испугались укоров остальных членов семьи. Формально интересами бедной девушки можно было пренебречь. Они следовали букве Гражданского Кодекса, забыв о Правосудии. А бедная приемная дочь, ставшая красивее, чем прежде, молча отправилась к своим родным, в далекую фавелу, где прошли первые годы ее жизни, ведя на ошейнике старого пса умершей. Всем известно, что в деревянной лачуге, она жила с водителем автобуса, а у пуделя больше ни разу не было ни одного приступа астмы, душившей его прежде.

Наследство II

«Законное наследование осуществляется в следующем порядке:

I – потомкам; II – предкам; III – живому(ой) супругу(е) IV – близким родственникам; V – Муниципалитетам, Федеральному Округу или Союзу».
(Бразильский Гражданский Кодекс 1916 г., ст. 1603)

Клирсе сэкономила всю жизнь. Ее беспокоила неопределенность будущего, поэтому она забывала о настоящем, а прошлое существовало для нее только потому, что давало ей возможность видеть, как росли ее денежные сбережения. Средства от страховой премии, которую она получила за жизнь мужа из рук высокого чиновника ЗАГСа, и пожизненная пенсия, оставленная ей, сделали вдову богатой. Рано овдовев, Клирсе попала во власть денег. Ей было некогда заводить детей, а сердце оказалось закрытым для претендентов, появившихся сразу после окончания траура. И хотя она все еще была молода и красива, она прекрасно понимала, что многие воспринимали ее не как объект любви, но как крупный счет в банке.

Так вот, однажды рынок переполошило известие о банкротстве одного крупного банка. Это была одна из тех трагедий, когда столетнее учреждение, ставшее банкротом, попало в осаду кредиторов, похожих на стаю птиц урубú, рассевшихся возле еще не остывшего тела.

Клирсе боялась. В мире финансов она умела только собирать и экономить деньги. Конъюнктура и мировой кризис, оптовые цены, стоимость барреля нефти, золотой стандарт, рынок фьючерсов, обменные курсы... Все это было вне ее понимания.

Так что вдова сделала решительный вывод: «Я не оставлю в банке своих средств!» Кларсе знала, что значит зависеть от банка и представляла себе, что в любой момент ее деньги могли исчезнуть, как дым. «А мне останутся только выписки», - думала она. При этом она не могла хранить деньги под матрасом, поскольку боялась пожаров и наводнений. Для нее оставался лишь простой способ инвестиций в бедных. «Я буду покупать квартиры, много квартир, разных размеров и стоимости, и буду сдавать их в аренду. Нет ничего надежнее крепких стен дома», - прорицала Кларсе.

Так она и поступила. На все деньги она накупила скромных квартир для расточительных представителей среднего класса, которые были сданы в один миг. Клиенты шли к ней, как идут к воде люди, томимые жаждой. Деньги за аренду обильно потекли в карман владелицы недвижимости. Приходила и пенсия, которую она каждый месяц направляла на депозит. Вскоре Кларсе пришлось определить новые финансовые рубежи и пересчитать размеры прежнего состояния. Очень быстро Кларсе утроила свое состояние за счет доходов от аренды и других поступлений.

Не прав тот, кто представляет себе вдову, купавшуюся в роскоши и излишествах. Она продолжала вести все тот же образ жизни, полный ограничений, в жалком жилище на окраине, удовлетворяя лишь минимальные потребности, подобно растениям, которые поливают через пипетку, давая доступ к воздуху и свету. Черно-белый телевизор, одинокая грязная кушетка, простейшие столовые приборы, строгая диета, гардероб, полный лохмотьев, дом, по вечерам погружающийся в полумрак и плохо приготовленная пицца – все это, чтобы сэкономить.

Не трудно представить себе логическое продолжение этого положения. Кларсе, по мере роста ее состояния, становилась уродливой. Вскоре, задолго до того, как это происходит с женщинами,

исчезли ее красота и молодость. Остались лишь отдельные, почти незаметные, черты, напоминавшие, что когда-то ее лицо было молодо и красиво.

Понемногу исчезли претенденты на эту Пенелопу, без Одиссея, но вместо них нагрянули орды родственников. Они выстроились в бесконечную очередь просителей, каждый день осаждавших входную дверь дома вдовы. Племянники, сводные братья, приемные дети, двоюродные братья и сестры, внучатые племянники, дальние дядюшки и тетушки. Не известно доподлинно, откуда взялась эта шайка нищих, и каким образом родственники узнали о состоянии Клизсе. Но их было так много, что она начинала сомневаться в своем родстве с некоторыми из них.

Вдова отделялась уклончивыми неясными посулами и неисполняемыми обещаниями. Порой из-за срочности или убедительности аргументов она была вынуждена прийти на помощь, но делала это в минимальных размерах, *cum grano salis* (безо всякого желания). Порой она просто не открывала дверь и сидела взаперти. Она скрывалась, претворялась, что спит или что ее нет дома, надеясь, что таким образом сможет отвести от дома эти отбросы общества.

Но вместо того, чтобы рассеять орду, все это, казалось, ее увеличивало. Тогда вдова решила изменить тактику, избрав полдюжины родственников, чьи проблемы были решены ею. Тут-то она с удивлением поняла, что этот жест милосердия не нанес никакого ущерба ее громадному состоянию. Ежемесячно поступления от аренды и пансионеров наполняли кассу вдовы в гораздо больших размерах, чем расходы на бедных родственников.

«Напрасно я боялась, что они будут, как саранча на кукурузном поле», - бормотала про себя вдова, изучая ежемесячные выписки из бухгалтерских счетов.

Постепенно вдова подошла ко вратам старости, хотя и сама не осознала деталей перемен. Однако, при этом, действия Клирсе не изменялись. Время шло, богатство росло, а состояние увеличивалось. Сколько же квартир было у вдовы на этом этапе жизни? Даже она сама вряд ли бы могла сказать точно.

Из всех попрошаек-родственников, самой нуждающейся, но просящей всех меньше, была кузина, старая дева. Лучше сказать, она не просила. Она приходила с отцом, старым дядей вдовы, одноглазым, представлявшим из себя нечто среднее между шутом и героем. В грубых фразах, где каждое слово отдавало отрыжкой, он предложил Клирсе партнерство в одном подозрительном начинании. Кузина стояла, уставившись глазами в пол, с почтительным отношением к дерзкому отцу, от несправедливого и грубого господства которого она сильно страдала. Внимательно слушая, вдова в один миг поняла этих двоих.

- Если бы ты захотела, то могла бы жить у меня, помогать по дому, ведь я немолода и одинока, - с такими словами вдова обратилась к кузине спустя несколько дней после злополучного визита, поскольку дядя, получив отказ вдовы на предложенное партнерство, в ярости хлопнул дверью, покинув дом Клирсе, грубо ругаясь, как ломовой извозчик.

Так женщины стали жить под одной крышей. Для одинокой кузины скромная жизнь в доме вдовы стала раем, по сравнению с существованием, полным горечи, в доме отца. Кажется, не было того, о чем кузины не могли бы договориться. У них были одинаковые привычки и убеждения и одинаковая скромная жизнь. Они не различались даже в своем страхе будущего и в желании ничего не желать, кроме тихой кончины.

Однажды утром Кларсе, проснувшись, почувствовала себя скверно, ее ошеломил вид странного свертка. Еще в постели ей почудился странный звук и черная точка перед носом. Поскольку она никогда не болела, что является естественным для людей жадных, которые, кажется, не подвластны смерти, Кларсе не могла себе представить тяжесть своего положения. В полдень она пришла в больницу, из которой больше никогда не выходила.

Оценивая размеры толпы людей, собравшихся по обыкновению, чтобы попрошайничать, можно сказать, что лишь немногие из родственников пришли просто, чтобы ее навестить, хотя они и не могли претендовать на свою долю в ее состоянии, но были и такие, кто помышлял о том, чтобы оказаться объектом великодушия умирающей, что могло быть выражено отдельной строкой в завещании.

Однако, к огорчению наследников, мечтавших о наследстве вдовы, развязка наступила не сразу. Кларсе не спешила умирать. После выхода из комы, ее подключили к аппаратуре последнего поколения. Машины, трубки, оборудование, лекарства, миллиметровая точность аппарата заменили ослабленные или отсутствующие функции ее организма. Тело вдовы, разогретое и живущее в соответствии с показаниями приборов, стало уменьшаться в размерах, сохнуть, как виноград, превращающийся в изюм, непроизвольно вздрагивать, двигаясь в направлении смерти.

Были и такие, кто утверждал, что на лице вдовы, пока она была в памяти, появились черты отвращения к жизни. У последней черты в ней зазвучала уверенность в том, что если бы была иная жизнь, то Кларсе прожила бы ее совершенно по-другому. Она бы растрянжирила состояние, которое казалось ей теперь чрезмерным и бесполезным.

Но было уже слишком поздно. Вдова скончалась в дурно пахнущей больничной палате, рядом с полудюжиной смертельно

больных людей. Ее тело высохло настолько, что гроб напоминал размерами обувную коробку. Смерть Клирсе и окончание этого рассказа привели нас к двум более, чем очевидным результатам: кухня оказалась один на один с собой, а законные наследники стали с нетерпением ждать раздела наследства.

Я нищий

Как это трудно, друг мой, читатель, отыскать сухое и спокойное местечко, где можно поспать. Это вечная проблема человечества. Когда-то люди прятались в пещерах, но теперь, в большом городе, для таких людей, как я, вновь возник этот важный доисторический вопрос. Большой город увеличил опасность, существовавшую еще с мезозойской эры, а убежище, кроме того, чтобы быть сухим и надежным, должно еще быть недоступным для чудовищ, угрожающих тому, кто не имеет ни крыши над головой, ни места в жизни, у кого вообще нет дома.

Сам я всю ночь бы мотался по городу, прося милостыню у дверей баров, ресторанов и клубов. Как это непросто выпрашивать милостыню или немного подворовывать, доедать остатки пищи, пытаться получить деньги, охраняя автомобили. Сейчас часто идут дожди. Не помню, говорил ли я об этом. Становится все труднее. Помню, мне нравилась прохлада. Сейчас я ее ненавижу. Серое время делает серость еще серее отсутствия милосердия, которое большинство все еще хранит в душе.

На одном из своих последних рабочих мест я страдал от жары. Поэтому я полюбил прохладу. Это было на Пасху. Именно тогда, несмотря на апрель, было ужасно жарко. Магазины были полны людей, покупавших пасхальные шоколадные яйца. Ужасная толпа. В воздухе стояло немыслимое возбуждение, возникшее из-за того, что люди

готовились пережить что-то необычное. А чрезмерное потребление шоколада возбуждало их еще больше. Был настоящий хаос, ненасытность – бесконечная и безнадежная.

Меня приняли в самый большой магазин города, самый популярный, благодаря большому выбору подарков, аппетитному разнообразию яиц всех видов, размеров и вкуса. Я должен был представлять пасхального кролика, то есть обрядиться идиотским, гигантским, огромным кроликом, с густой шерстью, с колоссальными ушами и двумя огромными зубами. Кролик - символ Пасхи! Костюм весил 10 килограмм, вонял мочой и складом, на котором пролежал целый год, с примесью запаха пота исполнителей этой роли на прошлых пасхальных праздниках. Я смотрел на мир через небольшую щель под огромными зубами. За исполнение роли кролика в течение шести дней я получал сущие копейки.

Друг мой, это было не просто. Дети меня обожали. Но нет ничего ужасней детского обожания при таких обстоятельствах. Каждый из них по-своему выражал чувства. Заметив кролика неземных размеров, многие в испуге уходили перед возможной угрозой этого чудища. Другие, напротив, бесстрашно бросались вперед, ведомые врожденным садизмом, ненавистью к этому смешному кролику. Желая унижить существо, они начинали колотить его руками и ногами.

Все это было невыносимо, но я слишком поздно понял глупость своего решения принять предложение. Однажды я увидел женщину. Одну из тех бесстрашных матерей, казалось, источавших сладкий запах зрелости. Мать вела за собой маленького мальчика с толстыми розовыми щеками. Казалось, они были отделены друг от друга и не соответствовали хаотичности пространства, образовавшегося вокруг прилавка с пасхальными яйцами. Мать была сказочно прекрасна. Она была одета в цветное летнее платье, а волосы были уложены так, что

открывали загорелую спину, тренированную бесконечной гимнастикой. Ее ноги также стали точеными от постоянных занятий физкультурой. Мальчик походил на пятилетнего колобка, которого, вероятно кормили чем-то экстравагантным. Увидев меня, он захрустел зубами и направился в мою сторону, сжав кулаки, с явным намерением подрасться.

Сначала он ударил кролика в поясницу, но мать, вместо строгого наказания, громко захохотала. Она не понимала, что костюм был надет на кого-то голодного, предназначенного для унижений, дышавшего запахом плесени и пота. Затем, после безжалостного града ударов толстяка, мать принялась гладить кролика, как бы для того, чтобы призвать мальчика сделать то же самое. Она говорила сладким голосом:

- С животными надо обращаться нежно...

Я ощущал ее дыхание, видел ее язык, белоснежные зубы.

Я до сих пор вспоминаю эту женщину и охватившее меня приятное беспокойство. Оно согревает меня холодными ночами, а иногда снится, как нечто, напавшее на меня однажды и затащившее в сарай рядом с портом, куда я часто захожу. Женщина шла, пересекая пространство магазина, держа за руку маленького кролика в виде мальчишки. Она была одета в то же самое платье, но разута. Я немедленно почувствовал неодолимое желание овладеть ей. Заметив мое присутствие, она заволновалась и побежала. В конце переулочка бежать было некуда. Сильным движением я сорвал с нее платье и залюбовался прекрасным обнаженным телом. Вокруг нас все было покрыто шоколадом. Когда я расстегивал штаны, чтобы обладать ей, то почувствовал, что мой член испытал невероятное превращение, став белым от покрывшей его шерсти. Женщина захохотала, увидев мой странный половой орган, что еще больше раззадорило мое желание. Однако член в виде кролика, выставленный напоказ, не мог проникнуть

в ее норку, а повторные усилия войти в нее, казалось, просто ее щекотали. Она демонически хохотала, а я, не понимая, что делать, со страданием тянул за свой преобразившейся член.

Я увидел этот сон одной приятной ночью, когда счастливый случай помог мне найти место под одним газетным киоском, где я с комфортом устроился. Проснувшись, я понял, что эякулировал во сне.

Нет ничего хуже первой ночи, которую ты обязан провести на улице. Не только потому, что этому будет недоволен жестокий окружающий мир, но и потому, что все двери оказываются закрытыми перед тобой. Неужели остался только один выход? В городских парках искать уголок, землянку, пещеру, защищающую от опасностей, от угроз, от ветра и от холода, с постоянной мыслью о том, что завтрашний день может быть еще хуже.

Говорю точно: если бы я мог, то не спал бы вовсе. Но все наше существо просит сна, особенно после утомительных прогулок, полных страданий от опустошения мусорных баков в поисках еды, попрошайничества, выслушивания «нет», «нет» и «нет», порой бегства от частных охранников, от людей, просто желающих излить свою ярость или позабавиться над нами.

Мы не бездельники. Милостыня – это результат труда, результат деятельности, требующей определенного умения. Кто идет просить милостыню, должен понимать, что надо сохранить остатки приятной внешности и достоинства, кроме того, надо обладать хорошими физическими данными. Нищий достигает совершенства, но мы называем его бактерией, и он не имеет никаких шансов преуспеть в трудном и конкурентном ремесле попрошайничества. Грязь, вонь, рваная одежда, одним словом, нечистоплотность, не вызывают у других чувства жалости, но порождают невероятную тошноту, отвращение.

Чтобы добиться успеха, нищенствующий бродяга должен предстать перед другими, как попавший в трудную, неожиданную и временную ситуацию. Лучше даже, если будут думать, что бедняга вынужден попрошайничать из-за какой-то катастрофы. Однажды, когда я еще не дошел до состояния конченного нищего, живущего на грани озверения, меня позвали сыграть роль отца семейства, на которого напали, когда он вел ребенка к врачу. Мы создали прекрасную семью, достойно живущую в бедности и нужде. Жена была любовницей какого-то певца, а бедный, вечно голодный ребенок, с телом, покрытым струпьями, был сыном одного наркомана, сдававшего его в аренду.

Результатом был полный провал. Не знаю, как получилось, дорогой читатель. Никакой милостыни. Возможно, был конец месяца – все знают, что в деликатной отрасли попрошайничества, лучшее время просить милостыню – это начало каждого месяца, когда все получают зарплату. После этого мне никогда не удавалось подняться до столь высокого уровня.

В первую же ночь на улице, после последнего обильного ужина, много прошагав и устроившись в безопасности и с комфортом под горой мешков с бумагой у одного из конторских зданий в центре города, я задумался. Я был измучен. Я много съел и шел с непокрытой головой. Я высыпал два мешка и завернулся в бумагу, пытаюсь устроиться поудобнее. Читатель не представляет себе, каким бывает этот комфорт, когда завертываешься в целую грудку старой бумаги и засыпаешь. Именно, благодаря этому первому опыту, я понял цену бумаги с ее теплом и ощущением полета. Вы будто летите, освободившись от гравитации, возвратившись к внутриутробному существованию.

Сон в безопасности – это без сомнения небесный дар. Было бы проще, если бы мы сбивались в шайки, как в доисторические времена: пока одни спали, другие охраняли их. В давние времена стая, солидарность были синонимами выживания. Сейчас все по-другому: каждый за себя, и тот, кто становится нищим, знает, что жизнь его будет одинокой, и, что ему подобный является самой большой угрозой.

Еда... Должен заметить, что еду на улице найти очень просто. Гораздо труднее съесть ее. В ресторанах, в банкетных залах, в барах, в булочных, всегда кто-то выходит из черного хода и выбрасывает в мусорные баки остатки пищи. Надо добраться до них раньше мусорной машины и поискать. В ресторанах предпочитают бросать еду в мусор, а не делиться ей. В этом, читатель, я не вижу недостатка сострадания. Если бы я был хозяином ресторана, я бы не советовал кормить бродяг. Такая новость быстро разносится ветром. Представьте себе отряд грязных и вонючих оборванцев, которые один за другим, изголодавшись, бегут каждый день к дверям ресторана...

Когда мы лезем в мусорные баки, то стараемся найти еще свежую еду. Всегда находится хороший кусок бифштекса, оставшийся от клиентов, не справившихся с порцией.

Сегодня есть много ресторанов, где продают еду на вес. Если заглянуть в мусорный бак одного из них, то можно ужаснуться тем, что ест современный человек. Мусор заведений, продающих еду на вес, похож на отходы прачечной. Клиент всегда ревниво следит за своими расходами. Он хочет истратить ровно столько, сколько надо, чтобы утолить голод, а остатки остаются остатками. Остатки, обрезки жира, кости, много костей, сало, куриная кожа, целый поднос негодных жареных бананов, сырой кусок куриного бедра, хребет рыбы, иногда попадаетея и голова, фруктовые кости, виноградный жмых. Все это

перемешано с бумажными салфетками, скорлупой, зубочистками, крышками от бутылок из-под пива и прохладительных напитков.

Надо быть очень старательным и внимательно исследовать содержимое, поскольку всегда есть возможность отравиться. Пригодная пища перемешана с отбросами. Часто из ресторанов выбрасывают свежее тесто вместе с испорченным тухлым мясом, покрытым плесенью. Опасно искать на голодный желудок. Многие, желая быстро наесться, забывают об опасности съесть тухлятину, о сальмонелле. Результат ужасен: постоянная рвота, понос, слабость, тошнота, лихорадка, сильная боль в желудке.

На наше счастье существует великолепное лекарство – кашаса. Это эликсир жизни, жидкость, которую мы покупаем за гроши. Кашаса очищает кровь и кишечник, просветляет голову, убивает бактерии, а в прохладные ночи согревает тело. Кашаса дает нам спасительную возможность забывать. Если человек хочет побыстрее отделаться от дурных мыслей, он должен в день выпивать, как минимум, две-три полных рюмки кашасы. Мне повезло, читатель. Когда я отравился в первый раз, мне надо было выпить почти полбутылки. Очень плохо выпивать по две-три почти полных рюмки водки, думая о возможном отравлении. Но именно это меня и излечило.

Я жил на улице уже три или четыре недели. Съесть не удавалось почти ничего. Мусор вызывал у меня такое отвращение, что я не мог заставить себя приблизиться к мусорным бакам. Я жил на милостыню, которой не хватало. Вдруг у меня прошла тошнота. Ощущение многодневного голода заставило пойти к большому мусорному баку одного из самых роскошных ресторанов города и, благословляя удачу, извлечь оттуда несколько больших кусков тушеного мяса в белом соусе. Я ел с жадностью. Наказание не заставило себя ждать. Той же

ночью началась рвота, потом понос и боль в желудке. Хорошо еще, что рядом был большой парк.

Первый глоток был невыносим. Рвота увеличилась, испражнения так и лились из меня. На втором и третьем глотках я был уже навеселе. Я чувствовал слабость, головокружение, но это было спасением: рвота продолжалась, но уже не доставляла неудобства. Тут на меня напала необычная сонливость. Не знаю, сколько времени я спал, но когда я проснулся, то был уже здоров. Слаб, но здоров.

Самый ужасный момент в жизни нищего – это понять, что ты нищий. Нельзя открыть последнюю дверь; истрачены все средства, ушла последняя надежда, и уже нечем делать ставки. Остается одно – улица. Когда нужно бороться за выживание, как нашим предкам, в одиночку, в поисках пищи, стремясь найти надежные места, не верить никому – нет полумер: остается только убить или умереть.

Многое изменилось. В мире, в жизни, в истории. Есть поколения, родившиеся на улице, дети и внуки таких, как я. Немногим известно, что у меня была работа, дом, жена и дети (даже не знаю, что с ними). По утрам из окна моей комнаты я смотрел, как солнце светит в парапет набережной и освещает куст перца, полный маленьких красных плодов. Я не был богат. Просто среднего достатка. Кроме того, я ходил в церковь, родственники звали меня на крестины своих детей, работал я на фабрике, а в конце месяца мне платили зарплату.

Да, читатель, для нищего все очень сложно. Я не люблю, когда меня называют бездельником. Чтобы выжить в моих условиях, нужны бесконечные усилия. У меня почти ничего нет, а то, что есть, я ношу с собой. Я просто занимаю место. Я не сплю, не ем, не занимаюсь любовью. Представьте, что бы мне пришлось сделать, если бы я захотел бы завязать знакомство? А если бы какая-то женщина пожелала меня? Нет, прочь те, которых я не пожелал бы сам. В этом я очень капризен.

Но есть пределы, когда я не контролирую своих действий. Нужда требует, а я не железный. В этом социальном слое нет предрассудков. Тогда я думаю о женщине из магазина пасхальных яиц и иду вперед.

Я уже довольно давно жил на улице, когда открыл «Караван социальных акций». Там помогали многим. Грешникам или просто тем, кто хотел оказаться в Царстве Небесном. Без каких-либо задних мыслей. Они хотели быть полезными людям. Мне остригли волосы, выдали документы, дали новую одежду, иногда даже появлялись какие-то деньги (нам редко давали деньги, потому что боялись, что мы все истратим на водку). «Караван» приходил вечером. Нам давали суп, за которым выстраивались две громадные очереди. В одной – женщины, в другой – мужчины. Кто хотел помыться, мог пойти в одну из двух огромных душевых кабин на шесть или восемь человек. Это было прекрасно. Кто раньше прятался за горами мусора, в лохмотьях, голодным, становился чисто вымытым с мылом, в чистой одежде, с сытым животом.

Именно тогда я кое с кем познакомился и первый раз занимался любовью, с тех пор, когда оказался на улице. Это гнусное дело с точки зрения общества. Мне было все равно. Секс был свободным и диким, в длинном пешеходном туннеле, который проходил под шоссе с напряженным движением. Над нами на всей скорости мчались машины.

Никогда больше я ее не встречал. Даже не узнал ее имени. От нее на память мне осталась только тяжелая, если не сказать, очень тяжелая гонорея, которую удалось вылечить специальными ваннами, принимавшимися по рецепту улиц. Пять раз в день я макал в стакан с кашасой головку моего члена – это великое лекарство – не помню, говорил ли я.

Прощай, дорогой читатель, не хочу тебе больше надоедать и продолжать наше короткое и полезное знакомство. Я сказал то, что хотел сказать. Дождь продолжается, так что мне надо срочно найти надежное и сухое место, чтобы выспаться.

Еще одно Рождество

Ужин был накрыт. Изысканное и обильное меню, но никто и не подумал взять хоть что-нибудь. Все молча сидели вокруг стола. Они будто забыли о празднике. Испытывали ли они к нему божественные чувства? Такое их поведение не было странным. Тому была особая причина: пропавший родственник. Абелардо исчез ровно десять лет назад.

Совсем не просто было считать Абелардо попавшим без вести, так что его мать, Дона Эленисе, которая тенью шла за ним по жизни, пребывая в глубокой печали, вызванной незнанием того, где находился ее сын, но в попытке возродить в себе уверенность, произнесла:

- Абелардо придет в ночь под Рождество!

И так год за годом, после наступления декабря, вся семья начинала ждать. Не то, чтобы отец, другие братья, племянники, не знакомые с Абелардо, покорились твердой уверенности матери. Напротив, они ей не доверяли, но до определенной степени. Они верили и не верили. С недоверием, но дали увести себя верой, выстраданной матерью. В глубине души каждый хранил какую-то тайную надежду.

Память о пропавшем без вести больше, чем о погибшем, оставляет в душе пустоту – чувство сложное, которое невозможно заглушить. Все вокруг напоминает о нем и усиливает неопределенность в душах тех, кто остался. Место за столом, старая

игрушка, кровать, тапочки, одежда, его любимый пудинг, который никогда не будет выпечен. Всех терзает его отсутствие. То, что ему больше не нужно места в доме, а, более всего, отсутствие определенности, ясного ответа на вопрос: «Как же все произошло?»

Так же было и с Абелардо. Время проходило без новостей, без какого-либо знака или указания на происшедшее. Но о худшем не думали. Что если он избрал жизнь на улице, став одним из бродяг, которые, как заколдованные, странствуют по свету, лишь изредка вспоминая о смерти? Но говорить об этом никто не решался. Переживали молча. Весь год просто отгоняли от себя воспоминания о пропавшем, который был для всех ни умершим, ни живым, а просто тем, кто стоял между бытием и небытием, тем, кто даже не мог быть объектом воспоминаний или грусти, но одного лишь ожидания.

В то Рождество сила ожидания Донны Эленисе удвоилась. Возможно, так произошло из-за круглой даты – десять лет – этой эфемерной, круглой цифры. Продолжительность прошедшего времени дала ей новые силы даже в отчаянии, грозившем утопить все в забвении.

Как бы то ни было, она не могла принять этого. За ужином она капризничала, накупила подарков для пропавшего, пыталась всех веселить, убедить, что на этот раз все выйдет по-другому. Не должны повториться старые рождественские праздники, когда все плакали в полночь, а подарки Абелардо – закрытые свертки с неизвестным никому содержимым, укладывались на чердак. Нет. Сейчас все должно быть по-другому. Абелардо должен был вернуться, а ожидание не могло быть обманутым.

Донна Эленисе страдала. Она страдала так же, как страдают другие матери, чьи дети растворяются в мире и не имеют определенного места пребывания. Не лучше ли было знать, что он

умер? Многие спрашивали. Среди них и матери пропавших политиков, и матери совершивших преступление, и матери ушедших на войну. «Не лучше ли, если б ее сын погиб, чем пропал без вести?» Все страдали не больше и не меньше, чем Донна Эленисе. Порой она чувствовала себя более подавленной, чем обычно. Но в целом, жизнь на протяжении года шла под тяжелым знаком его отсутствия. Она не могла забыть о ежедневных обязанностях по дому и по воспитанию остальных.

Кто знает, быть может, Донна Эленисе ощущала некую вину за случившееся. Она могла бы почувствовать, что что-то переменялось, когда ее сын решил стать художником, скульптором. Целые часы, дни, недели он проводил, запершись в своей студии. Он отпустил бороду и волосы. Она ревновала к затворничеству Абелардо, избегала заходить к нему в комнату, помещавшуюся в глубине дома. Она не хотела беспокоить сына. Порой, как все матери она, не сдержавшись, стучала в дверь, приносила ему еду, стакан молока, пиццу, фрукты.

Абелардо отвечал не всегда. Когда он работал, он говорил только: «Ничего не надо», «Оставь меня в покое», «Я занят». Она лишь удивлялась. Мальчик никогда не был таким. Но, может быть, это поведение было естественным для художника, которым он становился? Она пожимала плечами. Пыталась понять.

Сейчас она вряд ли бы так поступила, бесконечно уступая все новым причудам сына. Она бы настояла на своем. Не дала бы ему целыми днями сидеть вот так, взаперти, отрезанным от жизни. Она бы установила правила. Раз в день – душ. Питание – по крайней мере, два раза в день. Раз в неделю – уборка студии. Так было бы нормально. Она покрывала себя упреками. Но могла ли она представить, что ее сыну судьба уготовила исчезновение? Как было узнать, что его странное поведение могло привести к столь трагичному финалу?

И вот, однажды, когда Абелардо уже не был самим собой. Он одевался в лохмотья. Грязный, с нестриженными ногтями, худой, покрытый перхотью. Быть может, у него началось какое-то нервное заболевание? Искусство не могло сделать его таким. Его раздражало все. Иногда он предавался мистицизму, и нет сомнений, что он часто посвящал себя макумбе или чему-то сходному: спиритизму, демонизму, жестокости, принадлежности к террейро, дьявольщине. В остальном он был более рационален. Смотрел телевизор, читал газеты и знал о похожих на него людях, избравших неверный путь кокаина, крэка, героина. Стал бы Абелардо ввязываться во все это? Огорченный и расстроенный он закрывался в своей комнате, переставлял каждую вещь, очищал ящики стола, переворачивал все вверх дном. Будь, что будет.

Она добилась своего, но очень поздно.

Когда она вошла, Абелардо уже исчез во внешнем мире.

Она удивилась увиденному зрелищу. Студия была страшно грязной. В ней стоял невероятный запах гнили, плесени и жженных свеч. Месяцами не открывались окна, чьи стекла Абелардо выкрасил черным. Окна выходили на задворки дома, где соседи устроили свалку. Когда окна были распахнуты, а помещение осветилось лучом света, Донна Эленисе поразила невероятной грудой рваных холстов, тюбиков с краской, разбросанных повсюду, множеству испорченных и давно засохших кистей, палитрам, покрытым пылью, тысячам огарков свечей, как будто ее сын вместо электричества избрал рассеянный свет свечей на нескольких подсвечниках. Растекшийся и застывший парафин обратился в нагромождения таинственных восковых замков.

Однако самой удивительной была стена, покрытая надписями на неизвестном и таинственном языке. Донна Эленисе не поняла содержания, но отметила, что все буквы выписаны детально и точно.

А вот еще одна неожиданность.

У другой стены стояло несколько полотен, завешенных темной пленкой. Это были картины ее сына. Полное собрание его произведений, его полотен, которые никто никогда не видел. Она взволновалась. Захотела посмотреть холсты.

Их было ровно шестьдесят семь. Шестьдесят семь картин маслом, изображавших повторение одной и той же фигуры, воспроизводивших один и тот же пейзаж: вземную сцену, написанную с потрясающей непосредственностью. Равнина, два холма, небосвод с планетами, окруженными спутниками, и летящий неземной космический корабль. При этом нельзя было определить, взлетал ли он или готовился к посадке. Абелардо носил в себе последствия и особенный дух возможности выразить их в произведении искусства. Он писал только этот пейзаж, и, если бы он не исчез, не оставив никакой записки, кто знает, продолжал бы ли он всегда писать именно его.

Однако, холсты были разными. Сочетание цветов делало их отличными друг от друга. Космический корабль был или зеленым, или серым, красным, фиолетовым, голубым. Равнина была где-то зеленой, где-то черной, где-то желтой. Планеты и спутники также были разными: желтыми, розовыми, красными, черными, иногда серыми... В повторении цветов не было никакой цветовой системы. Каждая картина была уникальной и, одновременно, повторяла другую.

Известие об исчезновении Абелардо сопровождалось описанием его студии. Были такие, кто заподозрил его в сумасшествии. Но один нервнобольной твердо сказал: «Нет! Абелардо не сошел с ума. Просто он стал пророком. Он вышел на связь с далекими созданиями, жителями других галактик. С ними он дружил и общался». Надписи на стене. Буквы, которых никто не знал и вряд ли смог бы когда-то

расшифровать. Знание языка космоса. Оставленные холсты. Чем все это могло быть, если не подарками его внеземных друзей?..

...Часы пробили девять, и стало ясно, что Абелардо не появится и на это Рождество. Но какое-то неведомое чувство еще подавало надежду, что он вернется! Поэтому сердце Донны Эленисе странно сжималось, что вызывало у нее сильное удушье. Волновалась не только она. Все встали и смотрели то в окно, то на дверь. Младшие со страхом думали о том, можно ли будет открыть его подарок, а дальний свояк, единственный из всех, у кого сохранился аппетит, мечтал перейти к угощению.

Все было так, как можно было себе представить. Исчезнувший не появился. А почему это должно было произойти? Даже если он и живой, где бы не находился, он не мог знать, что его ждали. И вот теперь, спустя десять лет ожидания. Для того, кто живет в другой части вселенной или в черной дыре, все это время не заняло бы и десяти минут. В Рождество или в обычный день, наконец, странно было бы надеяться на его возвращение. Могло ли оно произойти на Рождество, на карнавал, на День Независимости или на Христов день?

Донна Эленисе хотела, чтобы сын вернулся: не важно в день ли церковного праздника или просто в выходной. Рождество было для нее тем событием, благодаря которому она оставалась живой. Надежда, устремленная в будущее, была верным, не исчезающим знаком возвращения. Надежда жила именно благодаря дате, которая каждый год как бы продляла надежду на его возвращение. Она оставалась последней, двигаясь по бесконечной прямой, идущей из сегодня в завтра, из нынешнего в неопределенное и неизбежное будущее.

Все плакали, обнявшись. Был праздник Рождества. Только дальний родственник спокойно ужинал. Малыши поиграли, открыв свои подарки, а потом тихо заснули. Нетронутые свертки с подарками

Абелардо были отправлены на чердак, чтобы провести там, как знать, весь следующий год. Лишь Донна Эленисе в задумчивости продолжала ждать, отсчитывая триста с лишним дней, оставшихся до Рождества следующего года.

Парамилойдоз

Больше всего за время, проведенное в интернате, я ненавидал не огромную спальню, где размещалось еще 60 мальчиков, не пронзительный звук утренней сирены, не ледяной холод, не небрежность ко всему и всем, но глубокие тарелки, полные сметаны, которые перед завтраком каждый день ставили на стол. Мои одноклассники каждый раз засыпали солью эту жирную слизь, изготовленную в котлах со свежим молоком, чтобы накормить всех взамен масла. Стоило мне увидеть эту смесь, летящей со всех сторон, или испачканные губы самого нетерпеливого одноклассника, как до самого обеда я терял аппетит. В течение двух лет, которые я провел в интернате, сухари с кофе оставались моим завтраком.

От интерната у меня остались воспоминания о моем первом настоящем друге и о половой инициации. Мне было лет двенадцать-тринадцать. Я был ужасно худым, как жертва концлагеря, сладострастным, как пожизненно заключенный, а училка по естествознанию, кругленькая, краснощекая, была объектом моих фантазий моего нежного возраста, в холодные интернатские ночи. В классной комнате мне нравилось наблюдать за ней, когда, встав у доски, спиной к нам, она писала мелом, а ее объемное, но плотное тело, подрагивало в такт письму.

Тогда, на уроке, посвященном фотосинтезу, я почувствовал на себе взгляд голубых глазок этой швейцарской толстушки. Невероятно.

Было ли это плодом моего воображения, или природа сама позаботилась о том, чтобы соединить особей под действием скрытого и установленного закона о сохранении видов? Именно в этот день, после обеда, когда я украдкой курил в муках добытую сигарету, появилась училка. Я подумал, что буду немедленно схвачен и подвергнут наказанию за совершенный проступок, но училка протянула руку и попросила у меня сигарету, чтобы глубоко затянувшись дымом, выпустить его мне в лицо. Не помню, как я оказался в ее комнате, но о том, что было после, я не забуду никогда. В комнате стояли полки с образцами организмов, погруженных в формалин, небольшие сосуды с экзотическими растениями, странные вещества, кусочки дерева, минералы и кровать одинокой целомудренной женщины.

Вид этого странного жилища – что-то между наукой и магией – придавал этой бедной и простой училке вид средневековой ведьмы, и в тот первый раз это обстоятельство чуть не испортило мне процесс. Дело в том, что через определенное время, сильное желание при полном воздержании делают тринадцатилетнего подростка почти нечувствительным к окружающему его миру, когда он оказывается рядом с объектом, который его пленяет, очаровывает и захватывает. Ничто (даже зародыш коровы в колбе) не может помешать ему совершить действие, которое он столь долго себе представлял. Но в другой раз, громадное возбуждение, вызванное столь близкой возможностью осуществить то, что казалось невозможным, может все испортить, и довести подростка до преждевременной эякуляции либо до непоправимого отсутствия мужественности, чего не случилось со мной в истории, которую я рассказываю.

С этого первого эпизода, по два-три раза в неделю мне удавалось проникать в комнату училки по естествознанию. Как я смог сохранить

эту тайну от своих одноклассников именно в том возрасте, когда смысл удовольствия заключался также и в том, чтобы с кем-то им поделиться? Не знаю. Возможно, я понимал, что раскрытие тайны, стало бы ее концом. Но для того, чтобы пережить в рассказе этот восхитительный опыт общения с училкой, мне все-таки надо было поведать о нем моему единственному другу по интернату.

Пауло Родолфо внимательно слушал рассказ о встречах и описание пышных форм училки, но все время высказывал сомнения и расспрашивал о подробностях, порой грязных, того, что происходило в комнате училки. Я старался рассказать ему обо всех мелочах и даже добавить то, о чем мой друг не спрашивал. Однако, это только повышало его неверие. Мы были тринадцатилетними подростками, способными придумать самые невероятные вещи. Наконец, под нажимом очевидных фактов Пауло Родолфо сдался. Не из-за яркости рассказанного мной, но из-за тех знаков, которые я, сам того не желая, посылал ему: частые сексуальные отношения, поток гормонов и интимные отношения с более старшей женщиной, изменившие мне осанку, лицо и представление о мире.

Наконец, к моему сожалению, все прекратилось.

Я привык к порочной жизни похотливых встреч в комнате училки, слишком рано развратившей меня. Я привык даже к банкам со скорпионами, змеями, летучими мышами и гусеницами, занимавшим все высокие полки в комнате, и был рад находиться в этой пещере удовольствий, быть хозяином тайны, соединявшей меня с училкой-нимфоманкой. Я так глубоко погрузился в эту обстановку постоянного повторения, ставшую столь привычной, что, казалось, она никогда не закончится, и, что если это и произойдет, то совсем не скоро.

Наивный, загипнотизированный распутством и интимной близостью, установившейся между нами, я думал, что смогу разрушить

иерархию, определившую нам место в разных мирах: она – учительница по естествознанию, а я – ученик, порой бывавший неисправимым. На экзамене я не мог получить положительную оценку даже для самоутверждения, что низводило мой средний балл почти до уровня абсолютного нуля. Мы ссорились, а я не хотел осознать объективных границ и невозможности того, что оценка не могла быть исправлена из-за нашей интимной связи. Так как у меня не было достаточного количества положительных оценок, я не вошел в строгий ритм занятий, я провалился по естествознанию и оказался лишенным любовницы.

Из-за провала на экзаменах я вынужден был покинуть интернат и предстать перед разъяренным отцом, который был страшнее десяти египетских проклятий. Я больше никогда не встречал своей училки по естествознанию и ничего не знал о ней. От моего друга Пауло Родолфо я получил два-три пространных и неопределенных сообщения о ее замужестве, о рождении первой дочери и о странной болезни, от которой она умерла.

Еще в интернате Пауло был одним из самых способных учеников, особенно в той части, чтобы выдумывать маленькие удовольствия и выходить сухим из воды. Пауло прогуливал скучные уроки, отлынивал от построений и от обязанностей, но никогда не бывал на этом пойман. С другой стороны, он был отличным учеником и другом, способным пострадать за друзей. Его чуть не исключили из интерната, когда он принял на себя прегрешение одноклассника и освободил его от наказания, грозившего быть особенно жестоким за рецидивный характер.

Мы сошлись почти сразу, благодаря взаимной симпатии. Причиной тому была и ненависть к площадкам со сметаной на завтрак, и примерному сходству в неопределенности происхождения, и общим

интересам, включавшим бильярд, сигареты и безделье. Я знал, что Пауло никогда не выдаст моей тайны, а, кроме того, он много раз помогал мне, не получая ничего взамен, и оправдывал мои затянувшие исчезновения во внутреннем дворе интерната. Не знаю, поняла ли училка по естествознанию, что Пауло Родолфо был почти что моим духовником.

Жизнь развела нас в разные стороны, и мы потеряли связь друг с другом. Так продолжалось до вечера вчерашнего дня, когда я вдруг встретил его.

Пауло рассказал мне, что еще целый год он оставался в интернате. Там же была и училка, возможно продолжая посвящать свое свободное время другим юным любовникам, чтобы утолить свой ненасытный голод, помещавшийся между сосудами с формалином.

Мой друг рассказал мне о своей свадьбе и о рождении первой дочери, о тех историях, в которых он оказался замешанным, и о банкротстве, жертвой которого он стал, потому что захотел перенести в область коммерции этику, усвоенную им в жизни: помощь нуждающимся. Способности и таланты, которыми он пользовался, чтобы улизнуть от обязанностей, со временем как бы исчезли, став несовместимыми с его чувством ответственности, столь сильным, что оно граничило с жертвенностью.

Наконец, он рассказал о странной болезни, обнаруженной случайно.

Она была вызвана протеинами-мутантами, выделявшимися его печенью – этим капризным, усердно работавшим органом, разрушаемым разными удовольствиями. Эти протеины-мутанты не могли расщеплять аминокислот, вырабатываемых организмом, образовывали вредные накопления в членах и в нервных окончаниях. Пауло рассказал, что его подозрение о том, что что-то не так, возникло,

когда он опустил ноги в кипящую воду и не почувствовал никакой боли.

Наследственная амилоидотическая полиневропатия (Polineuropatia amiloidótica familiar), унаследованная от отца, генетически передаваемое заболевание, поражало многих выходцев из Португалии, родившихся в местечке Повоа де Варзинь, где, согласно исследованиям, около двух тысяч лет назад и появился ген-мутант. Диагноз, определивший лечение этого странного заболевания, еще более странного из-за непонятного названия (как называют теперь болезни), был поставлен в сопровождении тревожного известия о единственно возможном лечении: пересадке печени.

У Пауло Родолфо до сих пор остался громадный и все еще побаливающий шрам через весь живот и печень какого-то умершего человека, функционирующая внутри. Он часто ходит по врачам, для которых, как для судей, Истина стоит во главе, при этом ни одного из смертных общение с ними не радует. Мой друг ежедневно наспиговывается таблетками, ест, как птичка, лишенная аппетита, чувствует сильные приступы тошноты, которые не дают ему возможности вести обычный образ жизни, а самым ужасным является то, что он живет с мыслью, что этот ген-мутант, который едва ни покончил с ним самим, он передал дочери.

Пауло посмеивался над своей судьбой, как поступают все мужественные люди. Рассказав о своих страданиях, он сообщил, что с прошлого вечера его стало тошнить, потому что он поменял лекарство, позволявшее определить, как работает его печень. Он оставил мне номер телефона, чтобы можно было сговориться о будущей встрече, о которой мне еще предстояло его уговорить. Долгие годы, одновременно со шлаками, накапливавшимися в его теле, росли и его

сомнения, не позволявшие ему до конца поверить в мой роман с пышнотелой училкой из интерната.

Перевод Алексея Лазарева.

Эдуардо Жункейра родился в 1963 г., по образованию историк, с 2010 г. работает в Государственном судебном архиве штата Рио-де-Жанейро. В 2002 г. опубликовал книгу «Бразильские корабли» (*Embarcações brasileiras*), в 2004-м – «Корабли и мореплаватели» (*Navios e navegantes*), в 2005-м – «Амазония» (*Amazônia*), в 2008-м – «Великие изобретения и невероятные изобретатели» (*Grandes invenções, incríveis inventores*). Дебютировал в качестве прозаика книгой «Холодный фронт и другие рассказы» (*Frente fria e outras histórias*), которая вышла в 2010 г. в издательстве Torbooks.

Алексей Лазарев Основатель и Президент Общества Дружбы, Научного, Культурного и Делового Сотрудничества с Бразилией (АЛУБРА) – <http://alubra.ru>, автор португальско-русского и русско-португальского словарей, основатель курсов португальского языка в некоторых российских школах и университетах, создатель Центра Бразильской Культуры в Москве, автор книг и статей по политике, экономике, страноведению, культуре Бразилии.